

Дуань Цзинсянь мгновение размышлял, глядя на Чи Юцина, который сам вызвался поехать с ним.

— В семье Дуань строгие правила, — сдержанно напомнил он. — Если хочешь жить со мной, придётся им подчиняться.

«Сработало!»

Юцин подался немного вперёд. Голос Дуань Цзинсяня звучал всё так же холодно, но в нём больше не чувствовалось ни отторжения, ни желания отстраниться.

— В чужой монастырь со своим уставом не ходят, это я понимаю, — без тени сомнения отозвался юноша. — Вся власть у тебя, слушаться буду беспрекословно. Что прикажешь — всё исполню, даю слово!

Дуань Цзинсянь на миг затаил дыхание. Между ними оставалось от силы сантиметров пятнадцать — недопустимо близко для привычной социальной дистанции. В тёмных зрачках Юцина отчётливо отражался его собственный силуэт. Прежде Цзинсянь никого не подпускал к себе так близко.

Но перед ним стоял Чи Юцин, а значит... всё в порядке.

Такая близость... пожалуй, даже приятна.

Он не стал отстраняться. Встретившись взглядом с юношей, Цзинсянь тихо продолжил:

— Характер у меня тяжёлый. Я привык доминировать и не терплю возражений, ты и сам прекрасно знаешь. Ты уверен, что сможешь ужиться под одной крышей с таким сухим, скучным деспотом? Если сболтнул под влиянием минуты — ещё не поздно взять слова обратно.

Тяжёлый? Юцин и раньше это чувствовал. Впрочем, для человека, привыкшего стоять у штурвала огромной империи, подобная властность совершенно естественна.

Коснувшись пальцем кончика своего века, юноша усмехнулся:

— Это всё чужие ярлыки, верно? Мне плевать, что болтают другие. Я верю только собственным глазам и чувствам. К тому же жёсткость — не порок. В таком клане, как Дуань, слабому мгновенно перегрызут глотку стаи голодных хищников. Назвался груздем — полезай в кузов. Я не привык отказываться от своих слов. Я правда хочу поехать с тобой. Хочу, чтобы ты присматривал за мной... Пойдём, а? Дядя... Я буду очень послушным.

Глядя на улыбающегося Чи Юцина, Дуань Цзинсянь на миг смутился — яркий, открытый свет этого лица словно ослепил его. Начинал-то парень вполне серьёзно, а под конец скатился в откровенную... капризную ласку. Отказать ему, когда он говорил таким тоном, не поднялась бы рука. Но не пресытится ли юноша так же быстро, как загорелся?

Цзинсянь чувствовал: сейчас Юцин искренен. Но человеческие привязанности изменчивы, а сокращение дистанции неизбежно влечёт за собой уязвимость.

Эта мысль заставила его голос прозвучать чуть глуше:

— Если гарантируешь соблюдение правил — я согласен.

«Есть!»

Слегка отступив на шаг, Юцин откашлялся и готовно выпрямился:

— Вещай, я весь внимание!

Правила? Чем их больше, тем лучше! В конце концов, пробить броню человека без желаний гораздо сложнее. Назови Дуань Цзинсянь хоть сотню пунктов — он выполнит любой. Пора продемонстрировать дяде полную готовность к сотрудничеству.

Наблюдавшая за этой сценой ассистентка Ся испытывала настолько противоречивые чувства, что слова подбирались с трудом.

Гендиректор Дуань вёл себя крайне странно. Сегодня он наговорил больше, чем за всю прошлую неделю. Со стороны казалось, будто он пытается отговорить юношу, но на деле... Ся Лань готова была поклясться: её обычно недостигаемый, ледяной босс прямо сейчас демонстрировал чудовищные двойные стандарты!

Раньше в присутствии Чи Юцина он держался подчёркнуто строго и сухо, исключительно в рамках делового этикета. А теперь? Каждое слово — сплошные уступки и намеренно оставленные лазейки!

Не обращая внимания на бурю, бушевавшую в голове подчинённой, Дуань Цзинсянь продолжал смотреть на юношу:

— В доме Дуань запрещено возвращаться за полночь без уважительной причины, а тем более ночевать на стороне. Никаких пьянок, ночных гонок и ночных клубов. И самое главное... ты напрочьрываешь связи со всей своей сомнительной компанией.

«О-о-о, разумеется...»

Юцин прекрасно понял, кого Цзинсянь назвал «сомнительной компанией». Помимо орды прихлебателей бывшего хозяина этого тела, речь шла о парочке главных героев этой собачьей драмы. С «подонком-гун» он пока пересекался мало, а вот «страдающий шоу» крутился рядом постоянно.

Что до алкоголя и уличных гонок — они его совершенно не привлекали. Запреты выглядели проще некуда. Да и вообще... когда дома ждёт такой роскошный дядечка, кому захочется шляться по злочным местам?

Юцин выудил из кармана смартфон, бойко открыл чёрный список и продемонстрировал экран Цзинсяню:

— Раньше я просто дураком был, поддавался на их уговоры! Обещаю, оборву все ниточки. Смотри, я уже заблокировал их всех до единого!

Дуань Цзинсянь бегло скользнул взглядом по экрану. Записи были заблокированы ещё до этого разговора — юноша проявил удивительную понятливость и искреннее желание исправиться.

Впрочем, особого удивления Цзинсянь не испытывал. Человек, к которому он был равнодушен, априори не мог всерьёз увлечься пустым фальшивым нарциссом, выставляющим напоказ жалкие задатки ума.

Гендиректор Дуань не стал скупиться на похвалу. В его обычно сухом голосе проскользнули едва уловимые нотки удовлетворения:

— Умница. Главное — понимать, с кем не стоит иметь дел. Держись этой линии.

Юцин энергично кивнул. У него не было ни малейшего желания вляпываться в дикие, исходящие собачьей кровью разборки главных героев.

Они побеседовали ещё пару минут. Когда Дуань Цзинсянь поднялся, намереваясь уйти, юноша на секунду замер, а затем осторожно, кончиками пальцев, зацепил полы его строгого пиджака.

И медленно, сантиметр за сантиметром, сжал ткань в кулаке.

Слабенький порыв заставил Цзинсяня замереть. Обернувшись, он встретил смущённый взгляд Юцина — юноша имел такой вид, будто никак не мог решиться на важное признание.

Немного подумав, Цзинсянь произнёс чуть мягче:

— Завтра во второй половине дня я приеду за тобой. И заберу домой.

Юцин хлопнул ресницами, поджал губы и даже не подумал разжать пальцы. Напротив, в его голосе зазвучали жалобные, трогательные нотки.

Прижав свободную ладонь к груди, он едва слышно прошептал:

— Рана на голове уже зажила, а вот здесь... всё ещё ноет. Прямо в самой глубине грудины ломит.

Цзинсянь нахмурился. Разумеется, он прекрасно понимал: парень просто притворяется и напрашивается на ласку... Девять шансов из десяти, что это чистое лукавство. Но рисковать здоровьем юноши он не мог.

Не раздумывая больше, он повернулся к Ся Лань и отдал сухое распоряжение:

— Вызови врача. Пусть осмотрит его ещё раз.

Ся Лань еле удержалась от того, чтобы не закатать глаза. Вспомнив увесистую пухлую папку с результатами всех возможных анализов и томограмм, она подошла ближе и прошептала чуть слышно:

— Гендиректор Дуань, на снимках полнейший порядок. Вы ведь сами...

«...сами же всё изучили!»

Да, во время сердечно-лёгочной реанимации действительно пострадали мягкие ткани, но процесс заживления шёл идеально. По всем законам медицины там давно ничего не могло болеть! С каких пор шеф стал верить каждому капризу на слово?! Босс, баловать подопечных — это одно, но не до такой же степени!

Заметив возникшее замешательство, Юцин прикрыл глаза, а когда снова подставил лицо свету, его ресницы дрожали, а в тёплой глубине глаз стояла прозрачная пелена слёз.

— Дядя... — тихо пробормотал он, шмыгнув носом. — Ну, может, и не то чтобы прямо дикая боль... Просто давит что-то, тяжело в груди. Вот если бы погладить... немного потереть — сразу легчает.

Дуань Цзинсянь пристально вглядывался в лицо юноши. Раньше в этих бархатистых,

удивительно красивых миндалевидных глазах сквозила лишь глухая злоба и раздражение. Теперь же они сияли чистой, ничем не прикрытой надеждой.

Этот мальчик искренне искал его тепла.

<http://bllate.org/book/20021/1991453>